

Бубновый валет

Из собрания сочинений

Альтист Данилов

Аптекарь

Шеврикука, или Любовь к привидению

Камергерский переулок

Солёный арбуз

После дождичка в четверг

Происшествие в Никольском

Бубновый валет

Лягушки

Земля имеет форму чемодана

Владимир Орлов
Из собрания сочинений

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-66

Орлов, В.

О-66 Бубновый валет / В. Орлов. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 750 с.

ISBN 978-5-521-74654-5

Роман Владимира Орлова «Бубновый валет» написан в жанре «магического реализма» и, как говорит автор, «Призывая студентов писать вещи детективные, исторические, я и сам отважился взяться за роман остросюжетный, со свидетельствами пусть и недавней истории Отечества». Журналист Ахметьев по прозвищу «барин» произносит туманную фразу: «Четырех уже убили!» — и с этого момента закручивается таинственный сюжет между четырьмя убиенными и странными фарфоровыми изделиями, которыми одаривает сотрудников всемогущий К. В.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74654-5

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Текст. В. Орлов, наследники, 2019

1

Милостивые судари и сударыни, спешу выразить Вам признательность за то, что Вы, согласившись с потерей или даже с проигрышем времени, решились познакомиться с историей, о которой я принялся теперь рассказывать. Очень может быть, что интерес к ней у Вас тотчас и увянет, хотя бы и из-за несовершенств рассказчика, но вдруг — пусть и одного любопытствующего — она увлечет вглубь себя? И того будет довольно¹.

Для меня эта история началась летним днем 196...-го года. В холле шестого этажа, у выхода на парадную лестницу редакционного здания, меня остановил Глеб Ахметьев.

— И тебя, говорят, К. В. одарил фарфоровым изделием?

— Одарил, — нахмурился я.

— Четырех уже убили. И ты туда же?

— Каких это еще четырех?

Ахметьев назвал убиенных. Фамилии двух из них я слышал впервые, по какой причине и как их убили, было мне неизвестно. Двух других я знал, но одна из них

¹ Как публикатор записок Василия Куделина обязан сообщить, что все события и персонажи их автором выдуманы. Однако не исключено, что подобная история могла произойти в многовариантности нашего бытия. — Владимир Орлов.

сама отравилась уксусом, второй же мой знакомец весной повесился.

— Не ты ли, Глеб, и убивал?

— Не способен, Вася, не способен! — вздохнул Ахметьев. — А жаль. Жаль! Способен лишь поднести ко рту ореховую трубку.

Он и поднес ко рту трубку. Если верить молве, федоровскую.

— А при чем тут фарфоровое изделие?

— Существует предположение, — сказал Ахметьев. — Событийная связь... Но не ожидал я, что именно ты, Василий, отправишься к К. В. унижаться, сознавая, что поход твой толку не даст.

Слова Ахметьева вызвали у меня недоумение и обиду. Ему ли, благополучному гордецу, воспалявшему в иных зависть, попрекать меня да еще и в месте почти публичном, пусть сейчас пустынным, но где в любую секунду могли возникнуть спешащие по делам слушатели?

— Я раб низкий, — сказал я тихо, — а обстоятельства заставляют меня усмирять гордыню.

Ахметьев промолчал, вкушал капитанский табак. Стоял метрах в десяти от меня, надменный, бледноликий, вновь вызывавший у меня мысли отчего-то об удрученном Чаадаеве. Или о печальном байроновском Манфреде. (Агутин говорил: «Встал Глеб в позицию Шатобриана». Но знал ли Агутин что-либо о Шатобриане?) У редакционных уборщиц Ахметьев имел прозвище Барин. Однако не здешним уборщицам он был обязан этим прозвищем.

— Не позволишь ли ты мне взглянуть на подарок К. В.? — спросил Ахметьев.

— Я его выбросил! — буркнул я.

— Напрасно ты не хочешь мне его показать, — сказал Ахметьев. — Я бы его рассмотрел. Дал бы тебе совет. И, возможно, уберег бы от неприятностей.

— Сам себя уберегу...

— Глеб Аскольдович! Глеб Аскольдович! — выкрикнула из коридора секретарша Ахметьева Лиза. — Вас к телефону! Срочно!

— Меня нет, — сказал Ахметьев. — Я на улице Хмельницкого.

— Это из канцелярии Климента Ефремовича! — Лиза появилась в холле.

— Для этой свиньи меня тем более нет, — безгласно произнес Ахметьев, горло и кадык его дернулись, будто мысли о свинье и его канцелярии могли сейчас же вызвать рвоту Глеба Аскольдовича.

— Но как же! Как же! — взмахнула руками Лиза. — Там ведь малые кроки!

— Ну ладно! — бросил с досадой Ахметьев и двинулся вслед за Лизой к омерзительным для него общениям с бывшим первым маршалом. Мне же отослал на ходу:

— Не забывай: четырех уже убили!

А я поднялся на седьмой этаж, к себе, в Бюро Проверки.

2

Ночью, после службы, мне предстояло дожидаться явления снизу, из типографии, сигнального экземпляра газеты. Тогда всех дежурных по номеру должны были автомобилями развозить по домам.

Я сидел в безделье, листал купленную утром монографию Некрасовой о Тёрнере, но без внимания к почитаемому мною художнику, а думал об Ахметьеве и его словах.

В редакции шутник шутника погонял, розыгрыши были способом сохранения житейской энергии и добродетели, но Глеб Аскольдович Ахметьев в публичных остряхах у нас не числился. В свои двадцать восемь он выглядел на сорок лет, казался человеком, пережившим многое, хмурым и замкнутым на себя. Шутил он, по крайней мере в моем присутствии, редко, а остроты его походили на туманно-кружевные эпиграммы («английский, аристократический юмор». Лана Чупихина) и лишь иногда — на злые эпитафии. Но не мог же он серьезно говорить мне о четырех убиенных с намерением уберечь меня от неприятностей. Наверняка он ехидничал и поддразнивал меня, что, впрочем, было ему не свойственно. И непонятно все же было, зачем ему понадобилось досаждать или даже злить меня напоминанием об унижительном походе к К. В.? Глупость какая-то...

Должен заметить, что нынешние записи свои, о причинах и целях коих я обязан сообщить позже, я произвожу лет через тридцать после случившегося. За эти годы я побывал во многих исторических и личностных передрягах, многое увидел и ощутил своей шкурой, а потому миропонимание мое и принципы изменились. Тогда же я пребывал в жизни прекраснодушным и романтизированным юнцом, чьи уши требовали ежедневного повторения «Марша энтузиастов» и не удивлявшимся уверениям Никиты Сергеевича в том, что в году восьмидесятом непременно наступит изобилие провизии, обуви и

доброты, а зло само по себе иссякнет. Это теперь основным разделом сведений о ежедневной маяте общества является криминальная хроника. В ту же пору слова о четырех убиенных, да еще и находящихся в событийной связи с фарфоровыми изделиями, казались смехотворными. Чушью казались. Не произвел ли себя Ахметьев в графа Томского, а меня — в инженера Германна, и не будет ли он теперь вышептывать или выкрикивать из-за углов: «Четырех уже убили! И ты туда же?»

Я хотел было вынуть из сумки приобретение от К. В., рассмотреть его повнимательнее, но отказал этому намерению.

Номер был нынче простой, спокойный, без экстренного прибытия тассовских восковок с официальными документами, потребовавшими бы переверсток первой, а то и остальных полос. А потому сигнал пришел в два ночи, и я спустился в приемную Главной редакции. Был готов задать вопросы Глебу Ахметьеву, коли бы он там оказался. Но нет, по отделу Глеба дежурил Мальцев. Меня определили в машину для развоза именно с Мальцевым, Башкатовым и Чупихиной, а стало быть, высаживать первым следовало меня.

Мы докатили до угла Трифоновской и Третьей Мещанской. Шофер Володя спросил:

— Ну что? Подбрасывать тебя в переулок, к дому? Или...

Заезжать в переулок желания у него явно не было, да и пассажиры «Волги» зевали.

— Я здесь выйду, — сказал я.

— Ну смотри... — словно бы в сомнениях произнес Володя. — А то ведь дождь и темень...

— Он не из тех, кто может размокнуть или убояться, — пропела Лана Чупихина, одна из наших редакционных красавиц. — Ведь так, Василек?

— Уже и Василек? — удивился Мальцев.

— А кто же он? Василек! — подтвердила Чупихина. — Василек и есть!

— Василек, Василек! — успокоил я Мальцева и хлопнул дверцу «Волги».

Дождь сыпал мерзкий. Застегнув молнию куртки, вздернув воротник, я стал подниматься Третьей Мещанской к своему переулку мимо холма с церковью Трифона в Напрудном, в чьей истории имелся сюжет с участием Грозного Ивана и его соколов. Холм был некогда высоким берегом речки Синички, упрятанной под асфальты. В часы гроз и ливней Синичка именно здесь выбурливала люками из недр, создавала пруд, останавливавший движение трамваев и позволявший ребятам плавать посреди Трифоновки. (И я плывал.) А однажды здешний холм стал берегом то ли Волги, то ли Каспийского моря. Снимали «Вольницу» по Гладкову, нагнали массового мосфильмовского простонародья начала века с разноцветьем костюмов, «языки многие и одежды»; с удивлением и беспокойством прохаживался в толпе, не оживленной еще мотором, ученый верблюд, приведенный олицетворять заволжские степи и пустыни матушки России и ее киргиз-кайсацкой орды.

— Эй, мужик! Подойди к нам! — грубо и властно обורвали мои видения.

Трое мужчин или парней стояли на моем пути, в темени, очередной фонарь служил обществу метрах в пятидесяти за ними. Слева от меня через улицу был про-